

КАЖДЫЙ ДЛЯ МЕНЯ УЧИТЕЛЬ

(Содержание мастер-класса.)

Тринадцатые Международные педагогические Чтения – «Учитель»

Ш.А.Амонашвили

Почетный президент
Международного центра гуманной педагогики,
Академик РАО

Тему моего мастер-класса я извлекаю из восточной мудрости, которая гласит: «*Никто тебе не друг, никто тебе не враг, а каждый для тебя учитель*». К счастью, со школьных лет я познал любовь к учителю, но понадобилось долгое время, чтобы познать закон вечного ученичества.

Быть сознательным и устремленным вечным учеником – это такое состояние духа, когда знаешь, что высшим смыслом бытия являешься ты сам, процесс твоего совершенствования. Все, чем мы занимаемся и что творим в жизни, имеет двоякое значение: преподнеся миру свои дары духа - мы совершенствуем свой духовный мир.

Зачем нам быть вечными учениками, и чему и у кого нам учиться?

Надо быть вечными учениками потому, что духовному совершенствованию нет предела, а жизнь коротка, и нам нужно успеть достичь большего. Нам надо учиться таинству: *отдавать как можно больше, чтобы совершенствование наше достигло тоже высшего уровня*.

Будет счастье, если на жизненном пути мы встретимся с *Духовным Учителем*, который поведет нас правильно и быстрее. Но обычно устремленному ученику учиться этому таинству нужно у каждого человека, у воображаемых учителей, у природы, у обстоятельств, у вещей и, наконец, у самого себя.

Пусть те, у кого мы учимся, даже и не знают, что они поневоле становятся нашими учителями, тем не менее, мы ученики для всех и для всего. И, конечно, тут же надо помнить, что *сами тоже являемся постоянными учителями для всех других, и потому живем, действуем, общаемся с окружающими так, чтобы им было чему у нас научиться*.

Я долго думал, как представить на мастер-классе свой жизненный опыт ученичества. Я прошел через огромное количество людей, у которых я учился. Люди давали мне примеры и хорошие, и дурные. Мой внутренний мир чего-то принимал, а чего-то опровергал. *То, что осталось во мне от них и*

сплавилось с моим внутренним миром, стало моей воспитанностью, моим мировоззрением, моей личностью.

Есть восточная мудрость: «*Учитель не тот, кто тебя учит, а тот, у кого ты учишься*». Сознательное ученичество, к сожалению, не является естественным состоянием в детском и подростковом возрасте, такое бывает редко. В этом возрасте детей нужно или увлекать, или принуждать к воспитанию и учению.

Сознательный же ученик сам хочет научиться, воспитываться, и видит учителя в каждом, от кого только можно чему-то научиться. Учителем для него может стать любой, независимо от возраста, пола, положения. Но сознательный ученик ищет и Высшего Учителя.

Сознательными учениками не становятся даже многие взрослые, и не многие живут согласно мудрости: каждый для тебя учитель.

Сознательное ученичество - это путь устремленного к восхождению, и потому в первую очередь надо понять необходимость самосовершенствования. А дальше – освободиться от гордыни, чувства превосходства, и научиться быть открытым миру, наблюдать, выслушивать, принимать с радостью, быть признательным. Сознательный ученик в постоянном поиске учителя, но самое главное, старается видеть своего учителя во всех и во всем.

Когда я стал сознательным учеником?

Нет, не с раннего детства или со школьной скамьи. А поздно, ставши исследователем науки. Это тогда, когда я понял, что *нет врагов, а есть препятствия, и когда я обуздал некоторые свои чувства, стал внимательным, научился спокойно выслушивать даже злобную критику и делать выводы, научился наблюдать*. Я не могу назвать конкретные годы моего «преображения», но именно после того началось вхождение и рождение во мне гуманной педагогики. *Я не открывал гуманную педагогику, она была открыта давно, я ее познавал.*

И каждый для меня вдруг превратился учителем. Ими были: родные люди, мои школьные учителя, мои научные руководители, мои коллеги, мои ученики, классики педагогики, семья, Небесные Учителя... Наконец, сам стал учеником для самого себя, учусь быть учеником своего сердца.

Для одних из них я стал сознательным учеником *позже, когда их уже и не стало в живых, но оставили во мне память о себе*. В этом *моральном климате памяти*, как выразился Дмитрий Лихачев, они оживлялись и я, общаясь с ними, восполнял в себе упущенное.

У всех у них я сознательно учился и продолжаю учиться, ибо *земное ученичество прерывается только смертью*.

Своих учителей я как-то разделил, но по какому принципу, не могу сказать, сердце подсказывало, что так лучше. Это:

*Учителя морального климата моей памяти;
Воображаемые учителя;
Земные учителя;
Валерия Гивиевна Ниорадзе;
Ученики;
Небесные Учителя.*

Рассказ о них и составляет содержание моего мастер-класса.

Но смысл заключается в том, чтобы вы увидели, как зарождались во мне корни гуманной педагогики. Ибо я утверждаю, что гуманская педагогика находится не вне нас, а внутри нас. Можно даже сказать: так же, как от рождения человека унаследует веру, страсть к познанию, родительское чувство, чувство красоты и так далее, также унаследует он от рождения и качество воспитания – гуманность.

Итак, о моих учителях и о моем сознательном ученичестве.

1. Учителя морального климата моей памяти

Во мне сохранились воспоминания родных и любимых мне людей, которые давно ушли из жизни. В свое время они меня воспитывали, учили; для них я был воспитанником (сыном, внуком, учеником). Я принимал их и, как правило, следовал их наставлениям, но был и непослушным. Я еще не осознавал глубину смысла их присутствия в моей жизни. Потом они ушли из жизни, а я со временем переходил в разные стадии своего становления. И обстоятельства, а также понимание значимости учителя то и дело возвращали меня к ним уже сознательно.

В первую очередь, это мама, отец, бабушка и любимая моя учительница Варвара Вардиашвили.

**Мама*

Она одна воспитывала двоих детей – меня и мою сестру, которая была младше меня на 7 лет. Это были военные и послевоенные годы. Отец у нас погиб в Крыму в 1942 году. Мама была больная женщина, инвалид второй группы, не имела дипломов об образовании. Но была мудрая женщина. Она не поверила в повестку из военкомата о гибели отца, и жила мыслью, что муж жив и обязательно вернется.

Однажды, - я был тогда в четвертом или пятом классе, - пришла к нам соседка. Они уединились в кухне, поплакались об ушедших на фронт мужьях, пошушикались о своем горе, и я услышал, как мама в слезах доверила ей свою тайну: «*Нет, муж мой не погиб, он вернется, и знаешь, чем хочу его порадовать? Хорошо воспитанными детьми.*»

Мне это запомнилось, и спустя десятилетия, когда вычитал в одной прекрасной книге, что слово «забота» означает «за божественной тайной», тут же предстал передо мной образ матери с ее педагогикой сердца. Я понял, ка-

кая божественная тайна, какая забота пронизывала ее педагогику сердца, и какая эта была прекрасная педагогика. Как будто слышу наставление матери: «*Воспитывает тот, у кого открылась божественная тайна и стремится исполнить ее*». Божественная тайна есть истина воспитания. Слово «забота» для обычной педагогики не стало родным. Я же предлагаю *зачислить его в основные понятия гуманной педагогики*.

*Отец

Он был рабочим типографии, директором смены, членом партии. Товарищи на работе его любили и уважали. Он получил производственную травму: правая рука была раздавлена под прессом и не мог сгибать пальцы, кроме того, имел брони. Но в первый же год начала войны он умудрился скрыть от врачебной комиссии свою инвалидность и, оставив молодую жену и двоих маленьких детей, пошел на войну добровольцем.

И время от времени, когда маме было тяжело, она плача проговаривала: «*Зачем ты бросил меня одну, зачем оставил нас, ты же стрелять не можешь, убивать не умеешь... Зачем?*».

Этот вопрос «зачем», спустя много лет, я задавал образу отца: зачем он так поступил? И приходил к выводу, что есть понятие «долг, суровость долга». Что делает понимание суровости долга в человеке? Лишает оно свободу или делает его свободным? Ни то, ни другое. Мы много сейчас говорим о воспитании личности и хотим сделать наших детей счастливыми. Так вот, *не будет личности и не будет у нее счастье без понимания суровости долга*. Все наши разговоры о воспитании личности будут пустыми, пока не займемся этим первостепенным делом: *воспитанием чувства и понимания суровости долга*. Только гуманская педагогика дает возможность осмыслить значимость суровости долга в созидании *Великодушного и Благородного Человека*. *Отсюда следуют чувства преградности и служения, пути совершенствования и восхождения*.

Такое понимание о качестве личности человека досталось мне от отца. Наша общественная, государственная, мировая жизнь и жизнь семьи была бы совсем другая, если большинство людей руководствовались чувством и пониманием суровости долга; тогда мы пережили бы на себе настоящее счастье и истинную свободу. Эти идеи я хочу привнести в построении гуманной педагогики.

*Бабушка

Каждые каникулы я проводил в селе Бушети (Телавский район, Грузия) у бабушки и дедушки от матери. Бабушка была верующая женщина, замечательная хозяйка, работала в колхозе. Она с трудом читала, вместо подписи ставила крестик. От нее мне досталось понимание многих вещей, она заложила во мне семя веры. Но на этот раз хочу поразмыслить об очень важном понятии – об *образовании*.

Что есть образование? В современном понимании образованным считае-

тся человек, который владеет определенным официально принятым объемом знаний в той или иной сфере и имеет официальный документ по этому поводу. А у кого нет такого документа, тот считается не имеющим образования. Но если у кого есть два или три диплома, говорят, что у него есть два или три образования.

А у моей бабушки не было никакого диплома, и получается, что она была необразованным человеком. Но почему же тогда ее любило и почитало все село – и взрослые, и дети, говорили, что она добрейшая, великодушная, мудрейшая женщина! К ней постоянно приходили за советами: как и когда сеять, как ребенка воспитывать, как в семье лад установить... Мне будет очень обидно, если кто скажет, что моя бабушка не была образованным человеком.

Это понятие для меня раскрывается в той сути, в какой оно и было создано. Сказано: *Бог сотворил человека по образу и подобию самого себя*. Значит, каждый Ребенок приходит в этот мир, имея в себе образ Творца. Что в этом образе? *Все прекрасное и возвышенное, что свойственно Богу*. В нем свет и нет тени тьмы.

Но образ этот в Ребенке нуждается в раскрытии. В первых временах Ребенок сам заниматься этим не может. К нему должны прийти на помощь взрослые. Вот этот процесс раскрытия божественного образа в Ребенке и есть процесс образования. Как сказано в Новом Завете: «*Я посадил, Аполос поливал, но возрастил Бог*». А поливать нужно потоками возвышенных образов.

В этом смысле могут быть люди без диплома, но образованные, и с дипломами, но менее образованные. Слово «образование» было создано далеко до появления дипломов. *Образ Творца в человеке и образование человека слитные понятия*. Я желал бы, чтобы в гуманной педагогике вопрос стоял так: *в процессе образования главным является раскрытие в растущем человеке образа Творца и только на почве этого должно происходить освоение знаний*. И благодарю своей бабушке, образ которой подводит меня к таким размышлениям.

*Деида Варо

Так звала вся школа учительнице родного языка и литературы Варвару Вардиашвили. Она целая глава в моей жизни, но хочу подчеркнуть те события, которых я связываю с гуманной педагогикой. Тогда, в 1944-1950 годы, конечно, я этого не понимал, я просто любил этого учителя. Но последующие годы, с аспирантских времен по сей день, ее образ стал *неиссякаемым источником для моих педагогических размышлений*.

Я много пишу и рассказываю о методе *дорисовывания*. У меня это идет от нее. Впервые же дни, как она пришла в наш шестой класс, она подозревала меня к себе и сказала: «У тебя какой-то поэтический взгляд... ты пишешь стихи?» «Нет», сказал я. «Но глаза у тебя поэта, должно быть, у тебя есть талант». Мне, двоечнику в классе, такое еще никто не говорил. Воодушевленный от

слов учителя я страстно увлекся поэзией, чтением и сочинением стихов.

Что такое дорисовывание? Это прекрасный метод педагогического искусства, при котором любимый для Ребенка учитель или уважаемый им человек накладывает на него штрихи своего *возвышенного представления о нем*; а потом, как только заметит, что Ребенок воодушевился и пробует свои силы, накладывает на него другие штрихи. *Дорисовывание зиждется на веру учителя в безграничные возможности Ребенка.*

Многие учителя знают и пользуются методом *нашептывания*. Я его взял у своей учительницы. Было это в седьмом классе. Во время классной работы (мы писали сочинение) она незаметно подошла ко мне, нагнулась и шепнула мне на ухо: «*Мальчик, мои пятерки краснеют рядом с двойками, как быть?*» Голос ее был озабоченным. Нашептывание любимой учительницы вызвало во мне смятение, я не мог ее огорчить, мне стало стыдно.

В общем, в последующие месяцы я преодолел свое отставания и даже стал преуспевающим. Но в своих научных поисках метод *нашептывания* я довел до искусства: он стал многофункциональным, с его помощью можно успешно решать *и дидактические, и воспитательные задачи, можно складывать личностные взаимоотношения с каждым учеником, можно развивать и укреплять духовную общность.*

Это же событие зарождает во мне идею о *моменте истины в воспитании*. Судя по тому, что со мной тогда произошло, я склоняюсь к мысли, что в жизни конкретного Ребенка то и дело могут возникнуть *такие моменты (короткие промежутки времени), когда он готов сделать прыжок в своем восхождении, разом измениться к лучшему*. Эти моменты заряжены *обстоятельствами и душевным состоянием Ребенка*. И очень важно, чтобы именно тот учитель, кого он любит, кого он уважает, *сердцем почувствовал назревание такого момента и нужным словом, соответствующим влиянием дал ему взорваться в Ребенке*. Вот какая прекрасная проблема для исследования. Может быть, моя учительница владела еще и искусством *созревания момента истины?* Тоже проблема для разгадки.

Я продолжаю учиться у нее искусству *возвышения* ученика в процессе общения с нами, искусству *быть естественным*, искусству *мудрой любви* и еще многое чему.

Почему мы звали ее «Деида Варо»? Переводе это означает «тетя», а буквально – «мамин сестра». Так обращались к ней все ее ученики, даже молодые учителя. Этим подчеркивалась ее особая заботливость о каждом ученике.

2. Воображаемые учителя

*В.А.Сухомлинский

1969 год стал для меня особым: я получил из Павлыши, от самого Василия Александровича Сухомлинского, бандероль, где была только что изданная в Киеве на русском языке книга «Сердце отдаю детям». Он bla-

годарил мне за то, что в своей статье в «Комсомольской правде» я сослался на него.

Это событие заставило меня прочитать его книги, которых до того мало знал, и я открыл для себя классика. Читал Василия Александровича и чувствовал, как взрослею. Укреплялась моя вера, совершенствовались мои взгляды, я переживал радость от того, что есть, за кем следовать.

Но чтением дело не закончилось: я *вообразил* его себе и начал приглашать на свои уроки. Он обычно «садился» за последней партой и наблюдал, как я тружусь, как общаюсь с детьми. После урока я «выслушивал» его добрые и мудрые наставления, и на следующий день опять приглашал на урок. *Когда я читаю какую ни будь его книгу, я обычно разговариваю с ним, спрашиваю, советуюсь.*

Многому я научился у Василия Александровича. Я принял его идею: «*Без духовной общности воспитание не состоится*», и назвал ее законом Сухомлинского. Я открыл у него тайну *писать с подтекстами*, чтобы уберечь в те нелегкие годы господства идеологии хрустальную гуманную педагогики. Так я замаскировал в своих книгах, в частности, идеи о свободном выборе и о «четвертом измерении».

Мне не довелось счастье встретиться с ним, но в моем воображении общаюсь с ним продолжаю учиться у него.

*Марк Фабий Квинтилиан и Ян Амос Коменский

Когда в свои аспирантские годы я впервые начал знакомиться с трудами римского педагога первого века *Марка Фабия Квинтилиана* и чешского педагога семнадцатого века *Яна Амоса Коменского*, а также трудами *Иоганна Генриха Песталоцци, Жан Жака Руссо, Джон Локка, Константина Дмитриевича Ушинского, Якова Семеновича Гогебашвили, Антона Семеновича Макаренко* - мой тогдашний материалистический взгляд не давал мне возможность понять и принять основу их учения.

Но по той мере, как часто обращался я к их трудам и размышлял о гуманном подходе к детям в своей экспериментальной практике, *мое сознание менялось: я начал понимать, что педагогическую истину надо искать в недрах классики.*

Я научился *способу общения с классиками*, и все они разом стали моими учителями. Способ этот объединяет:

– умение задавать вопросы и выслушивать ответы, размышлять над ответами без критики, по принципу «утверждающий богат, отрицающий беден»;

– умение следовать ходу их мышления и мыслить вместе с ними, соразмышлять с ними;

– умение менять, корректировать, совершенствовать свое мышление, расширить свое сознание;

- умение строить практику согласно основным постулатам классики;
- умение вести с ними диалог и быть преданным и творческим учеником.

Такое *сознательное ученичество*, как мне представляется, продвинуло меня в углублении гуманной педагогики.

1. Я понял, что классики свои учения строят на одну и ту же основу – на христианскую философию, это и делает их учения классическими.

2. Мне стало известно, что все классики от Квинтилиана до Сухомлинского – это одна строительная «бригада», которая возводит великолепный храм гуманной педагогики.

3. Я увидел, что их сознание расширено понятиями: вера, духовность, гуманность и человечность.

4. Я убедился, что классическая педагогика есть следствие высшей, божественной мудрости и утонченной практики (а не науки).

5. Ребенок предстал передо мной как сущность духа и природы со своим безмерным богатством и безграничными возможностями.

6. Я понял, что судьба образования выстраивается умом и сердцем учителя.

Хотите *приведу мудрости*, которых иначе не назовешь, как законами гуманной педагогики? Вот они:

Наша душа небесного происхождения.

Отец, как только родится у тебя сын, возложи на него самые лучшие надежды (это Квинтилиан).

Земная жизнь есть подготовка к жизни вечной.

Ребенок, пойми, что ты есть мой микрокосмос, который способен объять макрокосмос (это Коменский).

В любви ребенок находит вдвое большие источник роста (это Песталоцци).

В школе должна присутствовать разумная религиозность.

Под именем гуманного образования надо разуметь развитие духа человеческого, а не только формальное развитие.

Дети не готовятся к жизни, они уже живут (это Ушинский).

Уважайте детское незнание (это Корчак).

Без духовной общности воспитание не состоится (это Сухомлинский).

Даже эта часть идей способна дать сознанию и образовательному миру безшибочный ориентир воспитания молодого поколения.

То прилежание сознательного ученика, которое я смог проявить, и та глубина постижения классического наследия, до которой я смог докопаться, меня изменили, гуманская педагогика во мне приобрела земные и небесные краски.

Эту педагогику я и хочу дарить всем, кто в ней нуждается, кто ее хочет, кто для нее готов.

3. Мои земные учителя

Был у меня прославленный научный руководитель, академик Российской Академии педагогических наук *Давид Онисимович Лордкипанидзе*. Он мне, аспиранту, сказал: «*Читай классику*». Спасибо ему.

Был у меня прекрасный учитель, доктор психологии, тончайший экспериментатор, прославленный *Барнаб Иосифович Хачапуридзе*. Он уразумел мои рвения, сказав однажды: «*Научись, чтобы оппозиционера вовлекать в позицию*». Учусь этому до сих пор.

Многому научился я у своих прекрасных коллег: Нателы Александровны Амонашвили, Мзии Самуиловны Гвилава, Веры Геннадьевны Александровой, Виктории Федоровны Бак, Марины Андреевны Баранюк, Киры Алексеевны Молчановой, Дайниса Озолс, Талиса Яунземис, Ирене Ступинене, министра Латвии («Каждый ребенок для нас – национальное достояние»), Хулмат, Пааты Шалвовича Амонашвили...

Но есть люди, которых обычно называют врагами. Было время, когда кто-то писал доносы в партийные органы о том, что я и мои коллеги насаждаем в советской педагогике буржуазные идеи.

Кто-то со своей властью хотел уничтожить меня и моих единомышленников.

Кто-то приписывал мне борьбу против классика грузинской педагогики Якова Семеновича Гогебашвили.

Кто-то клеветал в газетах.

К счастью, в те 60-80-ые годы *невидимая сила* вложила в мой разум, что *врагов нет, а есть препятствия, которых нужно достойно преодолеть*. Поэтому я не боролся против них, не писал против них какую-либо критику, а учился у этих людей, каким мне *не надо* быть, как *не озлобиться*, как *остаться самим собой*, как *совершенствовать свою педагогику*, как, не смотря ни на что, *быть добрым и внимательным к этим людям*.

Они – мои учителя, а учителей надо почитать. Потому выражаю этим людям, - их называть не надо, сами поймут, - свою признательность. Их уроки завершены с огромной для меня пользой.

4. Валерия Гивиевна Ниорадзе

О Валерии Гивиевне Ниорадзе хочу поговорить отдельно.

Если исходить из своих убеждений и взглядов, то мне кажется, что наше единение было *не случайным*. Точнее, было не случайным то, что ни одна девушка до нее, в которых я якобы влюблялся, не захотела выйти за меня замуж.

Мне было 32 года, когда она пришла в наш институт работать, и я влюбился в нее, как говорят, с первого взгляда. Это была осень 1962 года, а в марте 1963 мы поженились. *С того же самого времени моя творческая жизнь в науке резко изменилась*:

– я открыл в себе *свой смысл жизни*;

- наполнился мощными потоками вдохновения;
- смелость моя не знала границы;
- мы с коллегами, с участием Валерии Гивиевны, создали лабораторию экспериментальной дидактики;
- лабораторию обосновали в Тбилисской первой республиканской экспериментальной школе;
- развернули лабораторную и массовую экспериментальную работу;
- увлекли за собой сотни учителей;
- начали разрабатывать систему нового содержания и новых подходов.

Наши поиски стали нашумевшими во всем тогдашнем Советском Союзе и за рубежом. Складывались теоретические и экспериментальные основы гуманной педагогики.

Мы хлебали и радости победы, и тяжелые удары, и вознесения, и горения.

Мы шли против закона: печатали новые учебники без разрешения цензуры, это было очень опасно, но ради торжества идеи шли на риск.

Конечно, не все наши высказывания укладывались в рамки официальной педагогики, что давало защитникам идеологии повод нападать на нас...

После развала Советского Союза сложились обстоятельства, что вынудило нас с Валерией Гивиевной покинуть Грузию.

Мы обосновались в Московском городском педагогическом университете (спасибо тогдашнему ректору, теперь президенту Университета академику Виктору Васильевичу Рябову, он пригласил нас и создал нам лабораторию гуманной педагогики).

Наша деятельность началась разворачиваться в Россию и в странах, составляющих ранее Советский Союз. Во что она вылилась, тому подтверждение наши Тринадцатые Международные Педагогические Чтения.

Эта полувековая наша деятельность полна борьбой, она стала для нас школой жизни. Все события, происходящие в ней, все люди, участвующие в ней – все это как большая учительская, в которой ученик я один. Они учили меня, я был для них осознанным учеником.

Валерия Гивиевна ушла из школы жизни пораньше, подав мне урок, как достойно можно покинуть этот мир. Она ушла, а я остался. Видимо, мне нужно еще довершить свое образование, но уже без главного моего земного учителя.

Если вы, дорогие друзья-коллеги, считаете, что за эти 50 лет я потрудился с пользой для гуманной педагогики, то хочу вам откровенно сказать: во всей моей деятельности присутствует мудрость Валерии Гивиевны.

Помню, как мама сказала ей в день нашей свадьбы: «Дочка моя, я воспитала его, как могла, а теперь продолжай ты его воспитание». И она продолжила.

Я был у нее, с одной стороны, как *непослушный, самовольный ребенок*, но с другой – я вполне осознанно принимал ее в качестве своего учителя, хотя сама называла меня своим учителем.

Я учился у нее *сдержанности и умеренности, мудрости и педагогического искусства, терпения и заботы*.

Все важнейшие идеи гуманной педагогики, которых я выносил на обсуждение, вначале проходили через ее *мудрое сознание, через ее начитанности, через ее опыт*.

Она осторожно корректировала мою жизнь.

Она сделала меня *русскоязычным и пишущим человеком*.

Я учился *любить жену в любом возрасте*: и тогда, когда она была свежа, и тогда, когда у нее появились морщины.

Думаю, она и теперь не оставит меня без своих забот, а я и дальше буду учиться у нее идти *верхними путями*.

5. Я ученик своих учеников

Дети черпают педагогическую мудрость *оттуда же*, откуда черпают свою мудрость классики педагогики. Но классики пишут книги и ведут деятельность, *дети же - как открытые учебники высшей педагогической мудрости*. При этом они открываются на той странице, какая нужна учителю, чтобы он продвинулся, умудрился, стал мастером. Но чтобы воспользоваться этой страницей, *надо быть сознательным учеником для своих учеников*. Иначе мы никакую страницу не увидим и никакая наука нам не достанется.

Вообразите такую картину: во втором классе раздал я детям тетради для контрольных работ и, как это обычно делается, собираюсь отчитывать детей за допущенные ошибки и приступить к их исправлению. Но девочка Лела вдруг заплакала. «*Не люблю математику*», – говорила она плача, – *не люблю математику... все красное, все красное...*». То есть, ее возмутили мои *красные черточки*, которыми я указал ей на допущенные ошибки.

Итак, передо мной на нужной странице открылся учебник вселенской педагогики. Одно из двух: или я успокою девочку и пойду дальше, не замечая сокровенную страницу, ибо ученик мне никакой не учитель; или же жадно и усердно восприму каждую букву открытой мне страницы, ибо мои ученики – это мои учителя.

Но я принял ученицу как своего учителя и вот что у меня получилось:

– я понял, что мне лучше вдохновлять и воодушевлять детей на успех, чем причинить им уныние из-за своих мелких неудач и ошибок;

– я понял, что ошибки, допускаемые учениками, как правило, есть следствие дефектов моей педагогики;

— я понял, что все, что только вызывает в учениках раздражение или скуку, должно быть изъято из педагогического процесса;

— я убедился, что ученик не безразличен к тому, как я к нему отношусь.

Я еще многое другое вычитал из этой прекрасной страницы.

Потому решил: *вместо красных чернил буду применять зеленые и вместо ошибок буду искать в работах детей хоть малосенький успех*. И, вообще, буду вести учеников от успеха к успеху, от достижений к достижениям. Образовательный процесс для учеников должен быть победоносным, жизненным, радостным. А если речь идет о цвете чернил, возьму зеленые и ими буду отмечать не ошибки, а успехи и продвижения детей. Этим опытом сейчас пользуются многие учителя.

Слезы Лелочки заставили меня переосмыслить всю свою педагогику, наполнить ее духом гуманности и понимания. С помощью учеников, с их подсказками и поддержкой я открывал новые для себя принципы и методы гуманной педагогики, или же с их участием совершенствовал другие. Могу это сказать о принципе свободного выбора, о методе соавторства и свободных домашних заданий, о юбилеях урока и т.п. За всеми этими продвижениями стоят мои учителя-ученики.

6. Небесные Учителя

Сказано: «*Когда готов ученик, к нему приходит Учитель*».

Видимо, я еще не готов для такой высокой чести. Но это не мешает мне *самому выбрать своего Небесного Учителя и следовать Его заветам*.

Я убедился, что очень даже нелегко это делать, ибо заветы Учителей не знают компромисса. Они требуют строить новую жизнь, а не приспособливаться к той, что уже есть.

От Учителя я взял завет: «*Обращайся к людям так, как хотел бы, чтобы к тебе обращались*». И много лет упражняюсь вести такой образ жизни. Ни все получается, но я *счастлив самому упражнению* — в нем путь к совершенствованию, я чего-то достигаю.

Небесный Учитель сказал: «*Люби ближнего своего, как себя самого*». Учусь этому, а ближним для меня является каждый встречный. Трудно любить каждого, но надо любить даже того, кто вредит тебе, кто тебе не мил.

Высший Учитель наставляет: «*Утверждающий богат, отрицающий беден*». Давно упражняюсь жить по закону утверждающего, и вижу, как трудно и как прекрасно так жить.

Сказал Учитель: «*Человек должен принадлежать красоте*». Это же высшая норма жизни! Возможно такое? Я прокладываю себе путь к такой жизни.

Трудно жить на Земле по законам Небесных, но как прекрасно в этом упражняться!

Думаю, я получаю поддержку от *Невидимых Помощников* через сны свои.

Одни из них указывают мне на мои слабости. Другие предвещают будущее. Третья объясняют обстоятельства. Четвертые наставляют.

Я чувствую Невидимых Помощников, когда вдохновлен, когда я писал, скажем, книгу «Здравствуйте, дети!», или же «Амон-Ра».

Подытоживаю свой опыт ученичества.

Верхними путями идет тот учитель, кто стал сознательным учеником для каждого: и для своих учеников, и для классиков педагогики; и для своих родных людей, и для случайных встречных.

Верхними путями идет тот учитель, кто чтит Небесных Учителей и упражняется применять в жизни их заповедей.

Учитель же, который считает, что ему учитель уже не нужен, ибо сам уже учитель с опытом, находится в заблуждении, он не обретет верхний путь.

Учитель нужен всем и всегда.

Ш.А.Амонашвили

Почетный президент
Международного центра гуманной педагогики,
Академик РАО